
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-VI

Посвящается 150-летию
со дня рождения А. М. Позднеева

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург

2003

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Ответственный редактор
С. Г. Кляшторный

Редакционная коллегия
Н. С. Яхонтова, С. Д. Дмитриев, И. В. Кульганек

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект 02-04-16155д

Mongolica-VI: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — 160 с.

М 77

Сборник посвящен 150-летию со дня рождения видного российского монголоведа, профессора кафедры монгольской словесности восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета, а позже, в течение 20-ти лет, — директора Восточного института во Владивостоке, — Алексея Матвеевича Позднеева (1851—1920), оставившего большое научное наследие, подготовившего плеяду своих последователей монголоведов: историков, филологов, лингвистов, литературоведов.

В этом сборнике представлены статьи, главным образом петербургских и московских ученых, по проблемам, которые занимали А. М. Позднеева в разные этапы его научной деятельности.

В них развиты мысли, углублены гипотезы, предположения, наблюдения и выводы, высказанные ученым в своих трудах, посвященных истории, этнографии, религии монгольских народов.

«Монголика-6» имеет 4 раздела: «Источниковедение и историография», «Из рукописного наследия», «Литературоведение и фольклористика», «Из архива востоковедов», «Наши переводы».

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Корректор — *А. Востоковедова*

Технический редактор — *М. В. Вялкина*. Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 20.05. 2003. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 1032

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-250-8

9 785858 1032502

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 2003

© И. В. Кульганек, составление, 2003

© «Петербургское Востоковедение», 2003

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

<i>И. В. Кульганек</i>	Предисловие	5
<u><i>Н. П. Шастина</i></u>	А. М. Позднеев. (Подготовка к печати, примечания <i>А. Г. Сазыкина</i>)	7
<i>В. Л. Успенский</i>	Монгольские, ойратские и тибетские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. М. Позднеева	19
<i>И. В. Кульганек</i>	Фонд А. М. Позднеева в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН	24
<u><i>И. И. Йоршиш</i></u>	Важнейшие события жизни и деятельности А. М. Позднеева	26

Источниковедение и историография

<i>П. О. Рыкин</i>	Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст.	28
<i>Е. Н. Афонина</i>	К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507—1581)	39
<i>С. В. Дмитриев</i>	Атызы Йоллыг-тегин. Этнод из области тюрко-монгольской традиционной политической культуры	48
<i>В. Н. Митин</i>	Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941—1953 гг.	55
<i>А. Г. Юрченко</i>	Монгольская мужская прическа XIII века	63
<i>А. А. Бурыкин,</i> <i>О. Ю. Коробейникова</i>	Слова «калмык», «калмыцкий» в русском языке XVIII века	69

Из рукописного наследия

<i>А. Г. Сазыкин</i>	Ойратская версия «Манджушри нама сангити»	73
----------------------	---	----

Литературоведение и фольклористика

<i>Б. М. Нармаев</i>	Гесар и ад	82
<i>А. Д. Цендина</i>	Куда исчез Джамуха?	86
<i>Л. Г. Скородумова</i>	Особенности беллетризации в современной монгольской литературе	91
<i>В. К. Шивялова</i>	Два варианта монгольской народной охотничьей песни	94

Из архива востоковедов

	Письма В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу (1925—1936 годы). (Подготовка к печати, предисловие и примечания <i>А. М. Решетова</i>)	96
<i>А. Г. Юрченко</i>	История изучения «Книги о Тартарах» Иоанна де Плано Карпини	114
<i>Я. П. Шишмарев</i>	Письма Я. П. Шишмарева к Н. М. Пржевальскую. (Подготовка к печати и примечания <i>А. И. Андреева</i>)	118
<i>С. А. Кондратьев</i>	Стихи о Монголии. (Предисловие <i>И. В. Кульганек</i>)	124

Наши переводы

<i>Л. Дашням</i>	Сон (рассказ), Четыре времени года и одно чувство (стихотворение). (Перевод с монгольского <i>Л. Скородумовой</i>)	135
<i>Д. Батбаяр</i>	Небо любимой (рассказ), прозаические миниатюры, афоризмы. (Перевод с монгольского <i>М. П. Петровой</i>)	137
	Монгольские народные песни. (Перевод с монгольского <i>И. В. Кульганек</i>)	142
<i>А. И. Андреев</i>	Открытие музея <i>П. К. Козлова</i>	144
	Рецензии	146

В. К. Шивлянова

Два варианта монгольской народной охотничьей песни

В песенном фольклоре западных монголов (дэрбэтов) и калмыков в разные годы зафиксированы варианты одной старинной протяжной песни, повествующей о трагическом случае, происшедшем на охоте. Западно-монгольская песня называется «Аргалантын ар шил» («Северный шиль Аргалант»), а калмыцкая — «Шар шилин» («Золотистая гора») ¹. Оба варианта одного песенного сюжета принято относить к группе традиционных песен «Шил», т. е. песен, в которых первая пара строк — это описание особенных по своей форме платообразных гор — «шил». Согласно народным представлениям, таких песен в цикле было тринадцать.

В основу обоих вариантов положен мотив ранения в сочетании с мотивом неузнавания в момент охоты, что свидетельствует об архаических истоках этого сюжета, восходящих к эпосу монгольских народов. Однако в отличие от эпоса в данной песне нет противостояния богатырей. Наоборот, здесь безысходное состояние младшего брата, по ошибке смертельно ранившего своего старшего — это в монгольском варианте, а в калмыцком варианте — безысходное состояние старшего брата, по недоразумению застрелившего младшего.

Об эпическом характере обоих вариантов свидетельствует и композиция песен: она членится на несколько разделов. В монгольском варианте каждый из разделов отделяется полным отчаяния вопросом младшего брата, обращенного к дагине. Сами разделы неравновеликие, первый и второй — короткие, а третий раздел по протяженности почти равен первым двум.

Первый раздел начинается так:

Аргалантын ар шилд
Аннас гэж мордов.
На северном шиле Аргаланта
Поохотимся-ка, мы сказали, да отправились ².

В завершении раздела звучит пара строк — обращение к дагине:

Авай дагина чамагай
Ягсан гэж харихав.
Младший вопрошает, обратившись к дагине:
«Как теперь возвращаться?»

Затем во втором разделе следует объяснение младшим братом причины, по которой он не узнал на охоте своего старшего брата:

«Мараллынчинь арьсан малхайг
Магадалж танилгуй харвалаа».
«Из шкуры марала твой малахай
Не распознал и пустил стрелу».

Это двестише тут же варьируется. Завершается раздел снова вопросом к дагине.

Третий раздел монгольского варианта этой песни — слова старшего раненого брата, переходящие из распоряжений в завещание:

«Аав минь асуувал
Андуурсан гэж хэл
Ээж минь асуувал
Эндуурсэн гэж хэл...»
«Если батюшка спросит,
— Ошибся, — скажи,
Если матушка спросит,
— Загляделся, — скажи». И т. д.

В завершении этого варианта звучат горестные слова младшего брата.

В калмыцком же варианте данной песни, также состоящем из последовательности различных по протяженности разделов, в самом начале повествуется о причине, по которой произошло несчастье:

«Шара шилин гүлзиге
Шартха гиже мордлав
Шалдг дагни Бүүмн чамаг
Аакчин эндүрже харвла».
«На газель, живущую у золотистой горы,
Я выехал охотиться.
Тебя, преданный друг Бюмен,
Ака твой по недоразумению ранил» ³.

Это четверостишие на протяжении первого раздела песни трижды варьируется. Столь многократное изложение одного сюжетного мотива звучит из уст певца, носителя фольклорной традиции, как написание далеких предков — не устраивать охоту на древнее животнос-тотем, каким у монголов считалась антилопа-предводительница. То, что братья-охотники допус-

тили неверный шаг, отправившись на охоту с целью поразить стрелой газель (или антилопу), явилось причиной случившейся беды.

В коротком втором разделе песни повествуется о том, что младший брат был одет в шкуру зверя, стрелявший без промаха старший брат не узнал своего младшего брата.

Последний раздел песни — это советы и напутствия раненого брата, которые он дает старшему, чтобы как-то умалить горе родителей, узнающих о происшедшем случае на охоте. Как завещание звучат последние четыре строки песни:

«Цусн цаһан кирилге минн
Цустаһинь оражи ганзһлтн
Цурха цаһан бийи минн
Цулвртын менд өгит».
«Белую окровавленную мою рубашку
В торока завяжите.
Блестящее белое, как у щуки, тело мое
Пусть (Ваш конь) на поводьях повезет».

По своему сюжетному развитию монгольский и калмыцкий варианты этой песни отличаются. Если монгольский вариант начинается с констатации уже случившегося — ранение одного из братьев по причине незнания на охоте, а завершается вся песня тем, что оставшийся живым младший брат обращается к дагине со словами, горестно обвиняющими самого себя в случившемся. В калмыцком варианте в самом первом разделе излагается первопричина происшедшей на охоте трагедии: братья допустили охоту на древний у монголов тотем — антилопу (в калмыцком варианте — это газель). Завершается же калмыцкая песня несколько неожиданно, как бы многоточием. По сравнению с монгольским вариантом здесь возникает ощущение недосказанности. По-видимому, для традиционного певца не так было важно окончание песни. Важнее считалось передать в песенном тексте иносказательное напоминание о запрете охотиться на древние животные-тотемы. Очевидно, в калмыцком варианте более, чем в монгольском, сохранились следы раннетрадиционной песенной поэтики: в калмыцкой песне «Шар шилин» или «Об охотниках» содержатся предостережение, запреты, идущие из древности,

при этом не делается акцент на лирической стороне. Эти две смысловые линии — магия запрета и переживания по случаю происшедшего несчастья уравновешены между собой. В монгольском же варианте преобладает лирическая направленность, особенно это проявляется в последних строках песни. Нет упоминания о том, на какого зверя выехали охотиться братья, так как для певца не это принципиально, причиной происшедшей беды стало то, что младший брат не узнал старшего, приняв его, передетого в шкуру животного, за какого-то дикого зверя.

Можно говорить об этих двух вариантах одной охотничьей песни как о стадийно различных вариантах одного песенного сюжета, ибо калмыцкий вариант был зафиксирован в начале XX в., а монгольский — в самом его конце. Почти за сто лет этот по сути архаичский песенный сюжет трансформировался. В монгольском варианте песня превратилась в лирическую песню-балладу. О происшедшей эволюции одного сюжета может свидетельствовать и то, что по сравнению с монгольским вариантом в калмыцком нет той географической конкретности: все действие происходит у золотистой реки, а в монгольском — в местности Аргалант — отроге Алтая, идущем параллельно реке Дзабхан.

Однако несомненно то, что оба эти варианта имеют глубокие корни в традиционной монгольской песенной культуре, поскольку в них сохранилась древняя диалоговая композиционная структура, повествовательность, присущая эпическим песням, а также мифологический подтекст всех сюжетных мотивов. Предпосылки лирического песенного жанра как такового в этих вариантах налицо: поэтико-смысловая сторона начинает тяготеть в область личных переживаний человека, оказавшегося в беде, а также внутри каждого из разделов обоих вариантов песни происходит формирование четверостиший по законам аллитерации, состоящих из пары двустий, взаимодополняющих друг друга. Вполне закономерным можно считать то, что характерный для монгольского фольклора песенный сюжет в этнически общих фольклорных традициях, разделенных не только территориально, но и временными рамками, дал свои глубоко самобытные варианты.

Примечания

1. Монгольский вариант песни был записан К. Н. Яцковской и опубликован в ее книге «Народные песни монголов» (М., 1988. С. 54—55, 125—126); калмыцкий вариант был записан А. М. Листопадовым у донских калмыков в 1902 году (см.: Листопадов А. М. Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года / Публ.

В. К. Шивляновой // Из истории русской фольклористики. СПб., 1999. Вып. 4, 5. С. 556, 557).

2. Здесь и далее цитируется текст монгольской песни и ее перевод на русский язык из книги К. Н. Яцковской (см.: Яцковская К. Н. Указ. соч. С. 54, 55, 125, 126).

3. Цитируется по ст.: Листопадов А. М. Указ. соч.